

Концепт *Россия* в *Мертвых душах* Гоголя

The Concept of *Russia* in Nikolai Gogol's Poem, "Dead Souls"

Summary

The article presents an analysis of the concept of "Russia" in Nikolai Gogol's poem "Dead Souls". The subject of linguistic analysis was 118 text fragments (simple and complex sentences), including the nouns *Russia* and *Rus* and the adjective *Russian*, which were examined from the point of view of the information about Russia contained in them. To analyse the language material, a facet technique was used, which made it possible to present the content of the concept of Russia at several levels: 1) categories of characteristics (facets); 2) characteristics of two types: organic (intrinsic) and axiological, while the article describes in detail the most frequent categories and characteristics. The study was carried out within the framework of linguistic culturalism and is based on the theory of functional semantics, in particular, on such areas as conceptology and imagology.

95

Keywords: Nikolai Gogol, *Dead Souls*, semantics, concept, imagology, image, Russia.

Введение

Литература о Николае Васильевиче Гоголе, в том числе о его главном творении – поэме *Мертвые души*, огромна. Свой вклад в изучение творчества великого русского писателя внесли также лингвисты, в первую очередь В.В. Виноградов (1934; 1953). Язык произведений Гоголя представляет важную проблему функциональной стилистики, однако не менее важным является его исследование с точки зрения семантики. Содержательная сторона текстов художественной литературы обычно считается прерогативой литературоведения и, в частности, имагологии как одного из его разделов. В последнее время ситуация несколько изменилась: интерес к имагологии стали проявлять лингвисты, особенно

* Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej, 10-725 Olsztyn, ul. Kurta Obizy 1, aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

под влиянием новых направлений в языкознании – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (подробнее см.: Kamalova, 2020). Предлагаемая статья относится к той области функциональной семантики, предметом которой является изучение содержания языковых единиц в контексте, т.е. с точки зрения репрезентации закодированных в их форме и структуре знаний речевых субъектов в соответствии с потребностями социальной интеракции. При таком подходе текст *Мертвых душ* предстает как носитель семантической информации, которая составляет особую текстовую картину мира¹ и которая может быть реконструирована благодаря лингвистическому анализу лексических единиц и их сочетаемости. Семантический анализ композиционных языковых выражений (о семантической композиционности см.: Микиртумов, 2013) гарантирует более объективное представление смыслового содержания художественного текста, чем традиционный литературоведческий анализ, так как опирается на фиксированные данные и в меньшей степени зависит от субъективного вмешательства исследователя, хотя элемент субъективности присутствует всегда (особенно при интерпретации не прямых коллокаций).

В статье будет исследован важнейший концепт *Мертвых душ* – РОССИЯ. С использованием фасетного метода будет проанализировано 118 текстовых фрагментов (простых и сложных предложений), включающих существительные *Россия*, *Русь*², а также прилагательное *русский* (в разных падежных формах). Анализ, по замыслу автора, должен подтвердить гипотезу о том, что представленный в произведении образ России имеет разноаспектный и амбивалентный характер – как с точки зрения аспектов категоризации (профилирования объекта), так и с точки зрения оценки.

¹ Понятие текстовой картины мира см.: Kajtoch, 2008. Разумеется, текст сам по себе ничего не знает – он представляет собой искусственный носитель информации (вторичную моделирующую систему), в котором человеческие знания записаны, закодированы в соответствующей форме. Другими словами, текст указывает на то, что в момент кодирования знает его автор. Благодаря общему для автора и читателя коду возможна реконструкция содержания текста (или текстов), при этом объем содержания текста/текстов намного превышает объем информации, перерабатываемой в связи с хранением и обслуживанием кода, что обуславливает преимущество опосредованного способа коммуникации (и вообще – интеракции) по сравнению с натуральным (т.е. звуковой речью), а также возможность хранения информации, объем которой превышает лимит индивидуальной памяти.

² Я отдаю себе отчет в том, что за словами *Россия* и *Русь* кроются различные коннотации, однако их можно считать альтернативными названиями одного и того же концепта – основанием для этого является факт, что Гоголь употребляет данные названия попеременно.

В качестве источника послужил текст поэмы в пятом томе *Собрания сочинений* Гоголя, изданном в 1953 году в издательстве «Художественная литература».

1. Концепт как категория функциональной семантики

Концепт – это центральное понятие функциональной семантики, в частности, лингвокультурологии как наиболее распространенной ее версии в современной российской лингвистике. Количество статей, в которых упоминается ключевое слово *концепт*, практически неисчислимо, а среди опубликованных в последнее время монографий (в том числе учебных пособий) можно упомянуть следующие: Красавский, 2001; Слышкин, 2004; Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005; Воркачев, 2008; Щербина, 2008; Рухленко, 2011; Юдина, 2011; Ласкова, Ивченко, 2013; Выходцева, 2016 и др.

Структуралисты считали, что при описании языковых единиц нужно учитывать только их различительные (по отношению к другим единицам) признаки, однако оказалось, что этот принцип применительно к семантике не работает, особенно при ее функциональном рассмотрении. Хотя определение *человека* как живого существа на двух ногах и без перьев удовлетворяет требованиям минимальной дефиниции, т.е. содержит информацию, необходимую и достаточную для семантической идентификации данного знака в лексической системе, совершенно очевидно, что эта информация не соответствует той, которая перерабатывается в естественных, реальных условиях языковой деятельности. Человек использует знаки номинатов, о которых он обычно знает нечто не только благодаря языку (языковой компетенции), но и благодаря собственному опыту, в том числе и переработке речевых сообщений. Поэтому употреблению в речи номинативных знаков сопутствует актуализация элементов ментального тезауруса человека, которые наиболее востребованы в соответствии с речевой ситуацией³. Такого рода интегральные семантические признаки (которые в структурной лингвистике противопоставлялись дифференциальным) в результате их многократной актуализации могут закрепляться за лексической единицей. В более традиционной версии лингвистической

³ Эта идея лежит в основе концепции дискурсивного знания (см.: Stemplewska-Żakowicz, Zalewski, Suszek et al., 2009).

семантики такие признаки трактуются как дополнительные по отношению к основному, контекстно немаркированному значению – им приписывается статус семантических коннотаций (или импликаций). В лингвокультурологии считается, что сохраняемые в коллективной памяти стереотипные, регулярные характеристики номината составляют содержание концепта как одной из форм переработки информации у человека. При этом концепты как «пучки» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, по Ю.С. Степанову (1997, 41 и др.), или как интегрированные элементы духовного и практического опыта носителей языка, по А.А. Камаловой (1998, 44), могут иметь разный характер культивирования – на уровне культурно-языкового сообщества, социальной группы или отдельного индивида (Kiklewicz, 2020, 57). В последнем случае мы имеем дело с элементом (или фрагментом) когнитивного идиостиля или идиотезауруса (индивидуальной картины мира), что дает предпосылку для сближения лингвистической концептологии и имагологии: описание содержащегося в художественном тексте образа некоторого объекта или явления становится возможным с использованием приемов концептуального анализа. Так, концепт РОССИЯ неоднократно рассматривался как элемент семантического содержания прозаических и поэтических произведений: Полонский, 2010; Мосалева, 2012; Колупанова, 2015; Данилов, 2017; Сытина, 2018; Оляндэр, Богданова, 2019 и др.

2. К истории вопроса

Определенный канон представления о том, какой образ России заключен в поэме Гоголя, сложился в школьном дискурсе. В интернете бытуют образцы школьных сочинений на эту тему⁴, в которых отмечается ряд наиболее важных характеристик: основной темой *Мертвых душ* считается настоящее и будущее России. Критикуя общественный порядок, писатель был полон непоколебимой убежденности в славном будущем русской земли и ее грядущем расцвете. Воплощением этой идеи является образ России, уподобляемой птице-тройке, которая мчится в необъятную даль⁵.

⁴ <https://obrazovaka.ru/sochinenie/mertyye-dushi/obraz-rossii.html> (доступ: 1.01.2022), <https://sochinimka.ru/sochinenie/po-literature/gogol/obraz-rossii-v-poehme-mertyye-dushi> (доступ: 1.01.2022).

⁵ А.П. Чудинов (2001, 229), однако, пишет, что метафора птицы-тройки чужда системе образных представлений в политических дискурсах о России.

В литературной критике и исследованиях данная проблематика, главным образом, обсуждается в аксиологической перспективе: в центре внимания находится не столько то, какие аспекты российской действительности получили отражение в художественном тексте, сколько их оценочная интерпретация, выражающая отношение Гоголя к России. В.Г. Белинский (2019, 219), признавая *Мертвые души* великим произведением, отмечал его реалистический и даже отчасти натуралистический⁶ характер:

Гоголь первый взглянул смело и прямо на русскую действительность. [...] Является творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности; [...] творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта – и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое (Белинский, 2019, 215 и др.).

Белинский знал о существовавшем в среде славянофилов мнении, якобы Гоголь недостаточно любит Россию и *Мертвые души* представляют ее необъективный образ⁷ (подробнее см.: Мочалова, 2012, 26; Виноградов, 2020, 68 и др.) – он, однако, писал, что такие упреки безосновательны:

Найдутся также и патриоты, [...] которые, с свойственной им проницательностью, увидят в *Мертвых душах* злую сатиру, следствие холодности и нелюбви к родному, к отечественному. [...] Что касается до нас, мы, напротив, упрекнули бы автора скорее в излишестве непокоренного спокойно-разумному созерцанию чувства, местами слишком юношески увлекающегося, нежели в недостатке любви и горячности к родному и отечественному (Белинский, 2019, 222–223).

Подобную оценку поэме Гоголя дал другой критик – С.П. Шевырев:

Гоголь любит Русь, знает и отгадывает ее творческим чувством лучше многих: на всяком шагу мы это видим. Изображение самых недостатков народа, если взять его даже в нравственном и практическом отношениях, наводит

⁶ Белинский пишет о «сальностях» в содержании поэмы, упоминая, в частности, фрагмент из восьмой главы первого тома: «Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города булочника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья что стало мочи: *Кто идет?* – но, увидев, что никто не шел, а слышалось только издали дребезжанье, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ногте».

⁷ Славянофил Ф.В. Чижев писал Гоголю: «Как подействовало на меня ваше сочинение – *Мертвые Души*. [...] В первый раз я прочел его в Дюссельдорфе и оно просто не утомило, а оскорбило меня. Утомить безотрадною выставленных характеров не могло, – я восхищался талантом, но как русский был оскорблен до глубины сердца» (Виноградов, 2020, 68).

у него на глубокие размышления о натуре русского человека, о его способностях и особенно воспитании, от которого зависит все его счастье и могущество (Шевырев, 2009, 141).

Л.Н. Будагова (2012, 16), указывая на замечание Белинского, что «автор слишком легко судит о национальности чуждых племен и не слишком скромно предается мечтам о превосходстве славянского племени» (Белинский, 2019, 224), пишет: «Создается впечатление, что еще чуть-чуть и критик упрекнет писателя в великодержавном шовинизме».

Е.Н. Трубецкой (2009, 477) писал о нескольких наиболее значимых мотивах, определяющих содержание образа России в *Мертвых душах*. Во-первых, это мотив путешествия, странствования, дороги, в котором есть, по мнению Трубецкого, внутренняя противоречивость: с одной стороны – динамика, движение России («Гоголь ясно видел, как и откуда скачет тройка»), с другой стороны – незаконченность и неопределенность («но он не отдавал себе отчета, куда она несется»)⁸. Трубецкой указывает также на народный стереотип странника как богоискателя – тем самым мотив странствования ассоциируется с божественным предназначением России.

Во-вторых, в *Мертвых душах* представлен также мотив огромного географического пространства, в котором Трубецкой усматривает очередное противоречие:

Странствования нашего народа связываются с поиском лучшей отчизны, [...] потому, что они чаще всего вызываются тоской, страданием, горем народным, словом – разочарованием в отчизне здешней. [...] Влечение к беспредельному, хотя оно и возбуждается созерцанием бесконечного пространства, однако не находит себе удовлетворения в мире земном, где человек ежеминутно натывается на положенные ему тесные границы⁹ (Шевырев, 2009, 476).

⁸ Метафору птицы-тройки следует отнести к числу неудачных: символ России здесь явно контрастирует с фактом, что тройка везет проходимца Чичикова. На это обратил внимание герой рассказа Василия Шукшина *Забуксовал* – совхозный механик Роман Звягин: «А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова? Этого хмыря везут, который мертвые души скупал, ездил по краю. [...] Русь-тройка, все гремит, все заливается, а в тройке – прохиндей, шулер. [...] Вот так номер! Мчится, вдохновенная богом! – а везет шулера. Это что же выходит? – не так ли и ты, Русь?..».

⁹ В начале своей статьи Трубецкой приводит фрагмент из *Переписки с друзьями* Гоголя: «Вот уже почти полтора года протекает с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудия для дела. И до сих пор остаются так же пустыни, грустны и безлюдны наши пространства, так же неприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашей крышей, но где-то остановились неприютно на проезжей дороге; и дышит нам от России не радушным, родным

По словам Трубецкого, Гоголь «раскрыл в своих произведениях ужасающее общественное зло», с другой стороны – «к жизни общественной [...] не предъявляет никаких требований»:

Он мирится с существующим строем до крепостного права включительно и ждет спасения общества от личных добродетелей помещиков, чиновников и в особенности генерал-губернаторов. [...] Он мог наблюдать сколько угодно частных добродетелей, но он не мог изображать ни общественного дела, ни общественных деятелей, потому что ничего подобного в России в то время не было (Шевырев, 2009, 480).

Упомянутый ранее мотив странствования может вызывать ассоциацию с *Путешествием из Петербурга в Москву* Александра Радищева, в котором показано тяжелое положение крестьян, угнетаемых помещичьим классом. Гоголь, однако, мало интересовался общественно-политической обстановкой в России, а социальное неравенство рассматривал скорее как экзистенциально-этическую проблему.

Из современных публикаций следует отметить монографию Л.М. Крупчанова (2011), автор которой пишет, что Гоголь представил широкую панораму деградирующих сословий русского общества: уездное дворянство, губернское чиновничество, предпринимателей, столичное дворянство и чиновничество, а также дворовых, слуг и крестьян. Описание российских ландшафтов, по мнению исследователя, сочетает в себе взаимоисключающие мотивы: с одной стороны – «небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, звучно и ясно раскинувшееся», с другой стороны – «чушь и дичь по обеим сторонам дороги».

Для понимания специфики отраженного в *Мертвых душах* образа России важно обстоятельство, на которое указывает Е.О. Третьяков (2020, 118; см. также: Шевырев, 2009, 133; Крупчанов, 2011, 344): работа над поэмой шла преимущественно в Риме, и сам Гоголь отдавал себе отчет в том, что только в таких условиях, как он писал в письме П.А. Плетневу от 17 марта 1842 года, Россия может предстать «вся, во всей своей громаде». Данное обстоятельство имеет и свой коммуникативно-прагматический аспект. Важным элементом нарративного стиля Гоголя являются лексические указания на российскую действительность, как, например, в самом начале произведения:

приемом братьев, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовой станцией, где видится один ко всему равнодушный почтовый смотритель с черствым ответом: *Нет лошадей*» (Трубецкой, 2009, 474).

- (1) Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только *два русские мужика*, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем.

Если устранить прилагательное *русские*, семантическое содержание этого фрагмента практически не изменится:

- (2) ... только *два мужика*, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания ...

Поскольку уже в первом предложении сообщается о рессорной бричке, которая въехала в ворота гостиницы *губернского города NN*, читателю понятно, что события происходят в России. Гоголь, однако, ссылается на русскость и в первом, и во втором абзаце:

- (3) Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют *в русских трактирах*, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо.

С учетом того, что наррация основана на диакритическом принципе (см.: Киклевич, 2013, 222 и др.), можно констатировать, что прилагательное *русский* в обоих случаях выполняет особую прагматическую функцию – указывает на то, что сообщение адресовано чужому, т.е. иностранцам. Именно предназначенностью для иностранной аудитории можно объяснить то, что Гоголь представляет в широком ассортименте этнографические детали (щи, балалайка, неудобная мебель, собаки вместо швейцаров, ярмарка, французские манеры, булочник, который казнит у себя на ноге какого-то зверя, и т.д.), многие из которых, по его замыслу, должны вызвать у западных читателей комический эффект¹⁰.

Установка на комизм объясняется также прагматической ситуацией самого автора: Гоголь находится за границей и описывает действительность, к которой в данный момент не имеет прямого отношения (и которая ему не угрожает). Это обуславливает своего рода беспечность наррации, т.е. представление общественных пороков в игровой, смеховой конвенции. В связи с этим можно упомянуть один из аристотелевских принципов комического: «Смешное никому не причиняет страдания и ни для кого не пагубно», о котором В.З. Санников (1999, 18) пишет как о принципе личной безопасности.

¹⁰ Иностраннный мотив присутствует также в мнениях цензоров *Мертвых душ*. Л.М. Крупчанов (2011, 264) приводит фрагмент из письма Гоголя: «Цензоров-европейцев [...] возмутила низкая цена ревизской души, которую дает Чичиков – *два рубля с полтиною*. Что скажут по этому поводу иностранцы: они перестанут посещать Россию!».

3. Фасетный анализ языкового материала

Для анализа языкового материала – корпуса, состоящего из 118 текстовых фрагментов (простых и сложных предложений), включающих существительные *Россия*, *Русь* и прилагательное *русский* во всех падежных формах, был применен метод фасетного анализа, ранее апробированный в имагологических и когнитивно-семантических исследованиях (Kajtoch, 2008; Kiklewicz, 2012; Siemes, 2013; Scalcione, 2016 и др.). Его методика состоит в том, что в соответствии с ключевыми словами (именами концепта) на первом этапе исследования в тексте-источнике выделяются референтные фрагменты. На втором этапе осуществляется их категоризация (параметризация): для каждого фрагмента определяется фасетная характеристика, т.е. принадлежность заключенной в тексте информации к той или иной семантической категории. На третьем этапе определяется значение фасеты, т.е. обобщенное представление семантической информации о целевом объекте (в нашем случае – о России), включая его оценочную интерпретацию. Последний этап предусматривает количественный анализ референций всех выделенных фасет и значений и обобщение данных.

В качестве примера можно привести фрагмент базы банных.

103

Таблица 1. Фрагмент базы данных

Текстовый фрагмент	Фасета	Значение	Оценка
Досадно то, что РУССКИЙ ХАРАКТЕР портится.	Русские люди: темперамент, характер	Характер русских людей становится хуже.	–
И золотой век настанет в РОССИИ.	Россия: будущее	В будущем Россия может быть развитой страной.	+
РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК в решительные минуты найдется, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения. [...]	Русские люди: интеллект	Русские люди смекалистые, умные.	+
[...] Ради которой Павел Иванович объезжал пространную РОССИЮ.	Россия: география, размеры	Российское государство имеет большие размеры.	#

Экспликация семантических параметров и их значений основывается на анализе лексического состава текстовых фрагментов, которые в разной степени композициональны с точки зрения представления

содержания концепта. К наиболее композициональным относятся те фрагменты, в которых концептуальная характеристика выражена в форме предиката или определения, ср.:

- (1) РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК способен ко всему и привыкает ко всякому климату.
- (2) РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК не любит сознаться перед другим, что он виноват. [...]
- (3) РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК [...] не может без понукателя.
- (4) Я решился проездиться [...] по святой РУСИ.

В других случаях концептуальная характеристика не выражена прямым способом, и ее экспликация требует специального анализа. Например, предложение

- (1) Полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлет непробудно, и редко рождается на РУСИ человек, умеющий произносить это всемогущее слово (имеется в виду слово *вперед* – А.К.).

заключает в своем ассертивном содержании указание *полмиллиона сидней, увальней и байбаков*, а также на то, что немногие русские люди употребляют слово *вперед* – за этим сообщением скрывается, однако, более общая и концептуально значимая информация: «Русские люди пассивные, безынициативные, многие из них бездельничают», соотносимая с фасетой <Русские люди: образ жизни, привычки>.

Весь собранный материал был разделен на три тематических домена: 1. РОССИЯ; 2. РУССКИЕ ЛЮДИ; 3. РУССКИЙ ЯЗЫК. Количественные данные о каждом из них приведены в таблице.

Таблица 2. Количественные данные о реализации тематических доменов

Домен	Количество фасет	Количество референций	Оценка		
			+	–	#
русские люди	11	71	30	33	8
Россия	12	51	16	12	23
русский язык	4	15	2	5	8
Всего	27	137 ¹¹	48	50	39

Из таблицы видно, что в *Мертвых душах* наиболее представлены домены РОССИЯ и РУССКИЕ ЛЮДИ: на них приходится наибольшее

¹¹ Несовпадение числа референций (137) и числа текстовых фрагментов (118) объясняется тем, что некоторые фрагменты содержат информацию о двух и более тематических параметрах.

число фасет (что свидетельствует о высокой спецификации информации), а также наибольшее число референций. Главное внимание Гоголь уделяет РУССКИМ ЛЮДЯМ – информация этого рода выступает в более чем 51% текстовых референций.

Что касается оценочной семантики, она присутствует в большинстве (72%) референций – это означает, что семантическая информация в предложениях с ключевыми словами *Россия, Русь, русский* обычно сопровождается оценкой. Соотношение положительных и отрицательных оценок в целом равно: 48 / 50, что дает основание для вывода об аксиологически нейтральном, сбалансированном содержании концепта РОССИЯ.

В следующей таблице представлены данные о фасетах, выделенных в структуре домена РУССКИЕ ЛЮДИ.

Таблица 3. Данные о реализации домена РУССКИЕ ЛЮДИ

Фасета	Количество референций	Оценка		
		+	–	#
образ жизни, привычки	20	5	9	6
темперамент, характер	15	4	11	0
социальная этика	9	4	5	0
физические характеристики	6	4	2	0
общение	6	2	4	0
отношение к родине	5	4	1	0
интеллект	4	4	0	0
духовность, опыт	3	3	0	0
отношение к искусству	1	0	1	0
национальность	1	0	0	1
язык	1	0	0	1
Всего	71	30	33	8

Таблица показывает, что наиболее часто Гоголь обращается к двум фасетам: <образ жизни, привычки> и <темперамент, характер>, которые относятся к функциональным и психологическим аспектам русского национального типа. Что касается первой фасеты, Гоголь отмечает как положительные характеристики (добропорядочность, достаток, трудолюбие, расторопность), так и отрицательные (безынициативность, бездельничество, расточительность, склонность к безвкусице, склонность к шумным и обильным застольям, чрезмерное преклонение перед всем иностранным). При этом референций второго типа несколько больше. Отмечено шесть немаркированных с аксиологической точки зрения

референций, которые указывают на характерные для русских привычки и формы времяпровождения: после выпитой рюмки водки русские люди закусывают; перед выполнением важного задания русские крестятся; многие русские люди увлекаются азартными играми; русские люди любят есть соленое; русские помещики занимаются охотой.

Референции фасеты <темперамент, характер> также в большинстве своем содержат отрицательные признаки: русские не отличаются аккуратностью и обязательностью в работе; они склонны к симуляции; у русских взрывной темперамент; русским свойственно аффективное, нерациональное поведение, они не руководствуются логикой; русские злоупотребляют алкоголем. К немногим положительным характеристикам относятся следующие: русским людям свойственна рефлексия, планирование своих поступков; русские люди быстро адаптируются к обстоятельствам; русские люди энергичные (что проявляется в их склонности к быстрой езде).

В таблице 4 представлены полученные по той же схеме данные о домене РОССИЯ. Прежде чем будут проанализированы наиболее частотные фасеты, обращу внимание на то, что нейтральных референций здесь больше, чем в случае домена РУССКИЕ ЛЮДИ – на них приходится 45%, тогда как в структуре первого домена таких референций только 11%.

Таблица 4. Данные о реализации домена РОССИЯ

Фасета	Количество референций	Оценка		
		+	–	#
география, размеры	11	3	0	8
бытовая культура	10	1	6	3
сравнение с другими странами	8	3	4	1
промышленность, торговля	3	1	1	1
церковь, религия	3	3	0	0
будущее	3	1	0	2
феномен	3	0	0	3
искусство, литература	4	2	0	2
административная система	2	0	0	2
общество	2	1	0	1
уровень жизни	1	0	1	0
образование	1	1	0	0
Всего	51	16	12	23

Здесь по частоте выделяются три фасеты: <география, размеры>, <бытовая культура> и <сравнение с другими странами>. Гоголь достаточно часто упоминает широкие просторы российского государства, при этом в большинстве случаев эта информация не сопровождается какой-либо оценкой. Отмечено только три аксиологически маркированные референции, при этом все они – с положительным содержанием.

Принципиально иначе представляет Гоголь информацию о русской бытовой культуре: она преимущественно носит негативный характер. Так, указывается, что в публичных местах неудобная мебель; у русских простая, незатейливая кухня; часть строений в России пришла в упадок; не развит институт швейцаров.

Фасета <сравнение с другими странами> представлена как положительными, так и отрицательными характеристиками: с одной стороны – уровень общественной культуры в России, по мнению Гоголя, соответствует европейскому; по своему духовному богатству русские люди превосходят иностранцев; в других странах нет таких красивых девушек, как в России; с другой стороны – некоторые страны (например, Англия) недоброжелательно относятся к России, стремятся проникнуть в Россию и навредить ей; Россия отстает от европейских стран по уровню бытовой культуры и в некоторых других отношениях.

К домену РУССКИЙ ЯЗЫК отнесено 15 референций, которые были распределены по четырем фасетам: <лексические названия>, <употребление>, высказывания> и <алфавит>. В большинстве случаев эти референции с аксиологической точки зрения нейтральны: Гоголь обращает внимание на характерные для русского языка слова и выражения, при этом автор сожалеет о том, что в высших слоях общества русский язык употребляется меньше, чем иностранные языки, особенно французский.

Заключение

В структуре концепта *РОССИЯ* было выделено 27 фасет и несколько десятков их значений, что свидетельствует о его большой спецификации. Фасеты отражают многие стороны российской действительности XIX века, при этом основное внимание Гоголь уделил характеристикам русского национального типа. Вопреки общей сатирической конвенции *Мертвых душ* оценочная семантика в структуре концепта *РОССИЯ*

распределена равномерно: на положительно и отрицательно маркированные, а также немаркированные характеристики приходится примерно одинаковое число референций. Только в структуре двух фасет: <темперамент, характер> и <бытовая культура>, наблюдается преимущество отрицательных характеристик.

Некоторые фасеты, например, <уровень жизни>, <общество>, <образование>, представлены единичными референциями, а некоторые, например, <политическая система, крепостное право>, не представлены вообще. Возможно, Гоголь руководствовался цензурными соображениями, однако отчасти такую интерпретацию российской действительности можно объяснять мировоззрением автора, особенно в последний период его жизни. В проанализированном корпусе Россия больше ассоциируется с частной сферой и представляет собой этнографический феномен, фасцинирующий иностранцев. В наррации Гоголя можно усматривать двойную адресованность: с одной стороны, текст поэмы представляет собой сообщение для чужого, с другой стороны – сообщение для своего о содержании сообщения для чужого. В таком характере наррации проявляется специфическая прагматическая ситуация автора, который долгое время пребывал за границей.

108 Полученные результаты отчасти подтверждают ранее отмечаемые в литературе элементы образа России в *Мертвых душах*, а отчасти не согласуются с ними. Думается, что фасетный анализ имеет преимущество перед литературоведческим, так как позволяет эксплицировать характеристики, которые лексически представлены в текстовых фрагментах с ключевыми словами *Россия*, *Русь*, *русский* – тем самым их отношение к концепту РОССИЯ более очевидно для читателя.

Разумеется, проведенный анализ нельзя считать полным или законченным. При анализе текстовых фрагментов не учитывалось позиционирование фрагментов в структуре текста, их атрибуция (характеристика автора сообщения), пропозициональная установка (знание или мнение) и др. Такое ограничение было обусловлено рамками данной статьи, но возможно, что более полная картина концептуального содержания *Мертвых душ* будет представлена в следующей работе.

Библиография

- Белинский, В.Г. (2019). *Литературно-критические статьи. Избранное*. Москва: Book on Demand Ltd.
- Будагова, Л.Н. (2012). *Перечитывая Гоголя (вместо предисловия)*. В: Н.В. Гоголь и славянские литературы (9–24), Л.Н. Будагова (ред.). Москва: Индрик.
- Виноградов, В.В. (1934). *Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.* Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство.
- Виноградов, В.В. (1953). *Язык Гоголя и его значение в развитии русского литературного языка*. В: *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. Т. 3 (4–44), В.В. Виноградов (ред.). Москва: Издательство АН СССР.
- Виноградов, И.А. (2020). *Славянофильство и западничество в споре о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: не востребованное и забытое, Два века русской классики*, 2 (1), 62–153.
- Воркачев, С.Г. (2008). *Счастье как лингвокультурный концепт*. Москва: Гнозис.
- Выходцева, И.С. (2016). *Концепт «свой – чужой» в досоветской и советской словесной культуре*. Саратов: Вузовское образование.
- Данилов, К.В. (2017). *Концепт «Россия» в западном сознании (на материале англоязычных песен о России)*. В: *Язык и мир изучаемого языка* (25–34), К.В. Данилов, С.Ю. Максимова, К.В. Мацюпа (ред.). Саратов: Издательство Саратовского ин-та РГТЭУ.
- Зализняк, А.А., Левонтина, И.Ю., Шмелев, А.Д. (2005). *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры.
- Камалова, А.А. (1998). *Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах*. Архангельск: Издательство Архангельского университета.
- Киклевич, А. (2013). *Ветка вишни. Статьи по лингвистике*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.
- Колупанова, Т.Ю. (2015). *Концепт «Россия» в индивидуально-авторской картине мира М.Ю. Лермонтова*. В: *М.Ю. Лермонтов в истории, культуре и образовании* (47–50), Т.Ю. Колупанова (ред.). Липецк: Липецкий гос. пед. университет.
- Красавский, Н.А. (2001). *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: Перемена.
- Крутчанов, Л.М. (2011). *Н.В. Гоголь и Россия. Два века легенды*. Москва: Прометей.
- Ласкова, М.В., Ивченко, М.В. (2013). *Особенности функционирования лингвокультурного концепта «Волшебство» в сказочном и рекламном дискурсах*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ.
- Микиртумов, И.Б. (2013). *Семантическая неоднозначность и «техническая» прагматика*. В: *Философия языка и формальная семантика* (69–85), П.С. Куслий (ред.). Москва: Институт философии РАН.

- Мосалева, Г.В. (2012). *Поэтическое зодчество Гоголя и образ России*. В: *Творчество Н.В. Гоголя в контексте православной традиции* (322–356), Г.В. Мосалева (ред.). Ижевск: Удмуртский государственный университет.
- Мочалова, В.В. (2012). *Славянская тема у Гоголя*. В: *Н.В. Гоголь и славянские литературы* (44–63), Л.Н. Будагова (ред.). Москва: Индрик.
- Оляндэр, Л.К., Богданова, О.В. (2019). Концепт «Россия» в художественно-философской системе М. Горького, *Acta Eruditorum*, 31, 97–101.
- Полонский, А.В. (2010). Признаковое поле концепта «Россия» в современном медиадискурсе, *Гуманитарные исследования*, 1 (33), 94–101.
- Рухленко, Н.Н. (2011). Концепт «Семья» в семейных родословных. Белгород: Политерра.
- Санников, В.З. (1999). *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки славянской культуры.
- Слышкин, Г.Г. (2004). *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Волгоград: Перемена.
- Сытина, Ю.Н. (2018). «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие), *Проблемы исторической поэтики*, 16 (4), 115–139.
- Третьяков, Е.О. (2020). Россия в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя как метафизически и имагологическое пространство, *Имагология и компаративистика*, 13, 110–127.
- Трубецкой, Е.Н. (2009). Гоголь и Россия. В: *Н.В. Гоголь: pro et contra* (476–484), С.А. Гончаров (ред.). Москва: РХГА.
- Чудинов, А.П. (2001). *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: Издательство Уральского гос. пед. университета.
- Шевырев, С.П. (2009). *Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя*. В: *Н.В. Гоголь: pro et contra* (122–144), С.А. Гончаров (ред.). Москва: РХГА.
- Щербина, В.Е. (2008). Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков. Оренбург: Издательство Оренбургского гос. университета.
- Юдина, Т.А. (2011). *Лексическая экспликация концепта «Оренбург» в художественных текстах (на материале русской поэзии и прозы XIX – XX веков)*. Оренбург: Издательство Оренбургского гос. университета.
- Epstein, M. (1999). *The Irony of Style: The Demonic Element in Gogol's Concept of Russia*. In: *Gogol: Exploing Absence Negativity in 19th Century Russian Literature* (55–71), S. Spieker (ed.). Bloomington: Slavica Publishers.
- Kajtoch, W. (2008). *Językowe obrazy świata i człowieka w prasie młodzieżowej i alternatywnej*. T. 1. Kraków: Wydawnictwo UJ.
- Kamalova, S.D. (2020). *Linguistic imagology: origin and application*, *Дискурс профессиональной коммуниции*, 2 (3), 10–22.
- Kiklewicz, A. (2012). *Znaczenie w języku – znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.

- Kiklewicz, A. (2017). *Polska – Rosja: wzajemne wartościowanie (na podstawie analizy korpusowej)*, Przegląd Wschodnioeuropejski, VIII (2), 343–358.
- Kiklewicz, A. (2020). *Od znaczenia do konceptu: pragmatyczno-kulturowe aspekty specyfikacji semantycznej*, Poradnik Językowy, 7, 50–61.
- Polechina, M. (2012). *Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой*, Polilog. Studia Neofilologiczne, 2, 107–115.
- Scalcione, V. (2016). *Przystąpienie Polski do Unii Europejskiej w świetle brytyjskich i włoskich tekstów prasowych*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.
- Siemes, A. (2013). *Normalność w komunikacjach – jej negocjowanie i badanie (na materiale komentarzy dotyczących architektury domów mieszkalnych)*. Łódź: Primum Verbum.
- Spieker, S., Drubek-Meyer, N. (1999). *Gogol: exploring absence: negativity in 19th century Russian literature*. Bloomington: Slavica.
- Stemplewska-Żakowicz, K., Zalewski, B., Suszek, H. et al. (2009). *Relacyjnie ustrukturalizowany umysł. Model teoretyczny*, Przegląd Psychologiczny, 52 (1), 69–85.